

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ: ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

А.И. Подберёзкин

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

.....

В современных международных отношениях продолжает усиливаться влияние цивилизационной динамики, анализ которой позволяет делать долгосрочные прогнозы. Процессы на цивилизационном уровне протекают относительно медленно и обладают существенной инерцией. Поэтому определив существующие тренды на данном уровне, мы можем строить прогнозы на будущее. Характер отношений между цивилизациями транслируется по иерархической цепочке вниз, переходя на уровень международной обстановки, затем – военно-политической обстановки, и наконец, стратегической обстановки. Проведённый анализ показывает, что цивилизации с высокой степенью вероятности придут к столкновению, при этом это будет военно-силовое столкновение. В этом противостоянии с каждым годом будет нарастать роль «мягкой силы», а значение жёсткой силы – снижаться. Для победы в таком противостоянии необходимо перестраивать сегодня и стратегическое прогнозирование, и планирование и перестраивать всю военную организацию армии России. Принципиальными условиями победы являются развитие национального человеческого капитала, а также формирование национальной идеологии.

.....

Ключевые слова: цивилизации, прогнозирование, планирование, международные отношения, человеческий капитал.

Долгосрочное прогнозирование международных отношений – задача крайне сложная, практически невыполнимая [5]. В данной статье представлен результат трёхлетней работы авторского коллектива, посвященной решению фундаментальной задачи выработки методологии долгосрочного прогнозирования системы международных отношений. В основу выработанной методологии положены следующие аксиоматические принципы:

- достоверность и полнота информации;
- системность международных отношений;
- уровневая иерархичность сценариев развития системы международных отношений;
- разная скорость развития сценариев международных отношений различного уровня;
- учёт переменной влияния национальных возможностей на развитие системы международных отношений;
- учёт переменной влияния элит на систему международных отношений;
- учёт переменной влияния общества и его институтов на систему международных отношений.

В системе международных отношений было выделено четыре уровня, которые не соответствуют принятому делению в теории международных отношений [10], однако отражают ту логику, которой пользуются военные: международная обстановка (МО, третий уровень), военно-политическая обстановка (ВПО, второй уровень) и стратегическая обстановка (СО, первый наиболее конкретный и локальный уровень). Эти три уровня авторский коллектив надстроил ещё одним наиболее общим уровнем локальных человеческих цивилизаций и предположил, что между всеми четырьмя уровнями существует иерархическая взаимозависимость, направление которой идет сверху вниз. При этом при переходе от более высокого к более низкому уровню происходит сужение вариантов возможных сценариев развития той или иной обстановки, так что дойдя до уровня стратегической обстановки, у нас должен остаться только один вариант сценария. Но и на самом верхнем цивилизационном уровне мы должны начинать анализ также только с одного сценария [4]. Разнообразие возможных сценариев возникает на третьем и втором уровнях, а на четвертом и первом допускается только один сценарий, который исследователи считают наиболее вероятным. Сценарий на первом уровне стратегической обстановки, таким образом, является отражением наиболее вероятного сценария на четвертом цивилизационном уровне, преломленном через третий и второй уровни, международной обстановки и военно-политической обстановки соответственно.

На каждом из выделенных уровней процессы и события развиваются с различной скоростью и имеют различную инерцию. Наиболее инерционным является уровень локальных человеческих цивилизаций. Наиболее дина-

мичным – уровень стратегической обстановки. Поэтому анализ ситуации на цивилизационном уровне позволяет сформулировать долгосрочный наиболее вероятный прогноз развития системы международных отношений, который будет уточняться в зависимости от развития ситуации на третьем и втором уровнях, пока не приобретет конкретно-актуальные черты стратегической обстановки.

При построении сценария развития системы международных отношений необходимо учитывать не только политику и возможности великих держав, но отдельно анализировать такие переменные как интересы элит и общества, выражаемые в деятельности не только государств, но и негосударственных акторов, таких как ТНК, МНПО, НПО и т.д. Иными словами, используемая методология сочетает в себе онтологию политического реализма и либерального плюрализма: учитываются и государства, и негосударственные акторы.

Для описания современного состояния мировой политики в ней были выделены следующие системные тенденции:

- **завершение однополярности.** Изменение соотношения экономических, финансовых, политических сил в мире не в пользу западной цивилизации;

- **адной цивилизации.** Формирование военно-политических коалиций на основе ТАП и ТТП, ускорение развития вооружений и военной техники, опережающие темпы развития военного искусства и управления;

- **«фазовый переход» человеческой цивилизации на новый этап развития в экономике, политике, военной области, социальной области.** Революционные изменения в стратегиях развития и росте в ближайшие 15-30 лет в экономике и финансах, технологиях, военной политике;

- **возникновение новых экономических и военно-политических центров силы** в лице Китая, Индии, Бразилии, Индонезии, России, Мексики и др.

Используя указанные выше принципы и исходя из описанного современного состояния мировой политики, было предположено, что события на Украине и в Сирии показывают, что главной особенностью развития международной обстановки и военно-политической обстановки в первой половине XXI в. будет усиление противостояния локальных человеческих цивилизаций, на базе которых будут созданы и укреплены военно-политические и финансово-экономические коалиции. Инициатором и главным действующим лицом такого противостояния будет западная локальная человеческая цивилизация, которая в начале XXI в. сосредоточила основные ресурсы влияния и контроля, сформировала лидирующую систему ценностей и нормы международного права. Стремление сохранить этот контроль в условиях усиления других ЛЧЦ и соответствующих центров силы военно-сило-

выми средствами будет лежать в основе стратегии западной ЛЧЦ в первой половине XXI в., которую с определенной степенью условности можно назвать «Стратегией военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ.

С 90-х гг. XX века основные противоречия между традиционными субъектами МО – государствами – были перенесены с идеологического и экономического уровня на цивилизационный, точнее на системы ценностей ЛЧЦ и их закрепление в системе интересов и норм. Это было замечено целым рядом ведущих политологов и некоторыми политиками [3, 5, 7, 8], но не стало в центре общественного и научного внимания по конъюнктурным политическим мотивам: Западу какое-то время не требовалось акцентировать внимание в его победе в холодной войне, а России не выгодно было признавать свое поражение. Другие ЛЧЦ и нации были настолько слабы, что не стали ещё полноценными субъектами мировой политики, что со временем изменилось: на мировую политическую арену стали выходить вполне влиятельные экономически и демографически новые центры силы, которые формировались на базе ценностей ЛЧЦ – китайской, исламской, индийской.

События в мире в последние 25–30 лет развивались именно по нарастающему конфликтному сценарию в связи с тем, что абсолютное господство западной ЛЧЦ во главе с США надо было не только закрепить политически и юридически, но и подготовить западную ЛЧЦ к будущей борьбе с новыми центрами силы, которые (как хорошо понимали уже в то время на Западе) неизбежно возникнут в качестве следствия быстрого развития, как минимум, некоторых ЛЧЦ.

Стремление сохранить контроль над созданными в XX в. военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире западной ЛЧЦ, с одной стороны, и неизбежное усиление отдельных ЛЧЦ и превращение их в конкурирующие центры силы, с другой, сначала XXI в. является ведущим сценарием развития взаимоотношений между западной и другими ЛЧЦ. При этом такая цель должна быть обеспечена следующими условиями:

- коалицией западной ЛЧЦ под эгидой и контролем США, в которую должно войти более 50 государств и наций, в т.ч. традиционно не относящихся к Западу;

- военно-техническим превосходством и использованием силы.

Наиболее вероятным сценарием развития МО в XXI в. таким образом, является сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» с другими ЛЧЦ, прежде всего, российской и китайской на евразийском ТВД от северной Европы до Юго-Восточной Азии.

Этот базовый сценарий практически будет означать, что:

- ослабление господства западной локальной цивилизации будет достаточно быстро сопровождаться ростом военного и иного насилия в мировой политике с её стороны, которое практически уже началось с самого начала нового века;

- военная сила вернется в качестве определяющего фактора лидерства западной ЛЧЦ и ликвидации остатков самостоятельности других ЛЧЦ в мировой политике. Она станет тем катализатором силовой политики западной ЛЧЦ, который должен привести к её усилению во всех областях;

Рисунок 1.

Базовый сценарий «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» до 2050 г. и его наиболее вероятные варианты реализации

■ Мировая политика

– евразийскую военно-политическую интеграцию в области ВПО и, в частности, объединенную ВКО, следует рассматривать как необходимое условие сохранения российской евразийской ЛЧЦ и развития Евразийского экономического и военно-политического союза;

– многополярность в будущем позволит сократить количество конфликтов идентичности и противостояния внутри отдельных локальных цивилизаций. При этом масштаб и интенсивность столкновений между отдельными локальными цивилизациями увеличится.

Отношения между ЛЧЦ и формируемыми на их основе коалициями и центрами силы будут решительным образом влиять на то, по какому из вариантов сценария «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» будет развиваться МО и ВПО. Исходя из оценок, существующих в настоящее время, таких вариантов одного и того же сценария может быть несколько, как минимум, три, которые отличаются друг от друга, прежде всего пропорциями использования военной силы, среди других силовых инструментов политики. Условно деление базового сценария на его варианты по этому принципу можно представить следующим образом (см. рис. 1).

Во-первых, это вариант, при котором западная ЛЧЦ захочет воспользоваться в самые короткие сроки своим коалиционным, и военно-техническим и экономическим превосходством, чтобы преимущественно военными средствами обеспечить существующее статус-кво в мире и остановить процесс изменения соотношения сил и существующих норм не в пользу Запада. («Вариант № 1») Такой вариант сценария «Военно-илового противоборства между ЛЧЦ» означал бы начало полномасштабных военных действий не только ведущими представителями исламской ЛЧЦ, но и российской, а в перспективе и китайской ЛЧЦ.

С самых разных точек зрения, но, прежде всего, с точки зрения военных рисков и экономических затрат, этот вариант наименее вероятный, наиболее опасен и экономически дорог. Велики также и другие издержки. Поэтому такой вариант сценария развития не исключается, более того, продолжает разрабатываться в качестве средства политико-психологического давления.

Во-вторых, это вариант, реализуемый в настоящее время («Вариант № 2»), при котором военная составляющая играет роль «усилителя» других средств силовой политики, обеспечивая им дополнительную эффективность. Этот вариант требует не просто сохранения военно-технического превосходства, но и увеличения его в отдельных областях (например, ВТО и ПРО) и на отдельных ТВД, прежде всего, в Европе и Юго-Восточной Азии.

Наконец, **в-третьих**, это вариант базового сценария, который, как представляется, име-

ет наибольшую перспективу в представлении западной ЛЧЦ («Вариант № 3»). Этот вариант предполагает усиление силового потенциала западной ЛЧЦ за счёт наращивания невоенных силовых средств и способов достижения политических целей, получивший название «новой публичной дипломатии». Речь идет, прежде всего, об опережающем развитии информационных, социальных и иных технологий, ориентированных на продвижение ценностей и норм западной ЛЧЦ и оказывающих решительное давление на правящие элиты противостоящих ЛЧЦ [1].

Стратегическое сдерживание, являющееся основой стратегии национальной безопасности России в настоящее время, должно быть скорректировано в направлении большей приоритетности защиты системы ценностей ЛЧЦ, безопасности её национальной элиты и общества и суверенитета «российского ядра» ЛЧЦ. В этой связи можно сделать некоторые конкретные предложения в методику анализа и долгосрочного прогноза развития МО и ВПО в мире и в Евразии, вытекающие из новой роли и значения ЛЧЦ в XXI веке:

1. Необходимо оперативно внести изменения в методику оценки и стратегического прогноза угроз национальной безопасности России, исходя из переноса акцентов политического и военного противоборства от традиционных субъектов МО – наций и государств – в направлении учёта факторов опережающего развития противостояния между ЛЧЦ. В частности:

– соотношение сил между различными субъектами МО и ВПО должно оцениваться и прогнозироваться, прежде всего, с учётом соотношения сил между противоборствующими и другими ЛЧЦ. В частности, приоритетное значение имеет сравнение и сопоставление военных сил между лидерами ЛЧЦ или их «ядрами», например, США и Китая, чему было посвящено, например, недавнее исследование РЭНД¹;

– необходимо внести коррективы в некоторые основные положения военного искусства, исходя из новой роли и значения ЛЧЦ, как основ для коалиций и фундамента новых центров силы;

– важно пересмотреть основные цели и задачи военного и силового противоборства ЛЧЦ и вытекающие из них угрозы безопасности России;

– исключительно важное значение имеет анализ и прогноз средств противоборства между ЛЧЦ с учётом нарастающего значения силовых (но невоенных) инструментов политики.

2. Необходимо уточнить методику оценки военно-политического характера внешних военных угроз с точки зрения преобладания цивилизационных угроз, нейтрализация которых не может быть обеспечена использованием только военной силы. Так, в бывшей Югославии и Сербии, прежде всего в Косово

¹ The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. – RAND, California, 2015.

и других районах страны, уничтожены церкви, приходы, школы, институты, иудеи и др. институты православно-славянской цивилизации. Аналогичная ситуация наблюдается в Сирии, Ираке и даже на Украине, где с помощью военных средств уничтожаются цивилизационные основы общества: религия, образование, культура, традиции.

3. Необходимо пересмотреть методику оценки **потенциальных угроз** национальной безопасности России, выделив в качестве наиболее приоритетных угрозы опережающему развитию национального человеческого капитала (НЧК) как в демографической, так и в социально-экономической и интеллектуальной области, а также его институтам (университетам, НКО и пр.).

В настоящее время НЧК и его институты рассматриваются в стратегии национальной безопасности России преимущественно с социально-экономической точки зрения, а институты – как средство укрепления или ослабления политической стабильности. Между тем именно НЧК и его институты в случае реализации Варианта № 3 будут играть роль своего рода «абсолютного оружия».

Примечательно, что и в случае развития базового сценария по Варианту № 1 или Варианту № 2 роль НЧК и его институтов будет стремительно расти и станет в короткие сроки определяющей, например, для определения эффективности ВиВСТ или ВС той или иной ЛЧЦ.

4. Необходимо **расширить спектр внешних военных угроз стратегического характера**, включив в них:

- угрозы отставания в темпах технологического, демографического и социально-экономического развития России;
- угрозы дальнейшей утраты позиций российского НЧК среди мировых показателей;
- отставание в темпах, количестве и качестве развития институтов развития НЧК.

5. Динамичное развитие ЛЧЦ в XXI в. отразилось на **методике определения внешних военных конфликтов с учетом РФ и её союзников до 2040 г.** На мой взгляд, основным и, может быть, единственным, но главным ТВД станет Евразия по всему периметру границ России – от Арктики до границ с Монголией и регионом Дальнего Востока.

На каждом из отдельных участков этого евразийского ТВД будут лидировать отдельные представители западной ЛЧЦ «делегированные США, которым во втором эшелоне будут оказывать полную поддержку США и другие союзники по западной ЛЧЦ. На западном направлении это будут Германия и Польша, на юго-западном – Румыния, на южном – Турция и коалиция проамериканских арабских режимов, наконец, на восточном – Япония, Австралия, Новая Зеландия и США.

6. С точки зрения **прогнозирования влияния противоборства ЛЧЦ на военно-политический характер возможных внешних во-**

енных конфликтов с участием РФ до 2040 г., следует иметь в виду, что такой характер будет определяться:

– будущим характером политики западной ЛЧЦ, доминирующим вариантом базового сценария развития МО, её целями относительно России и её союзников. Представляется маловероятным, что характер западной ЛЧЦ и базовый сценарий противоборства будут радикально изменены до 2040 г. Речь может идти о важных, но частных изменениях между отдельными вариантами реализации базового сценария. В нашем случае – Вариантом № 1, Вариантом № 2 и Вариантом № 3, но вполне возможно и появление «гибридного» варианта этого сценария. Так, резкое обострение МО и отношений между ЛЧЦ (как, например, это произошло в 2001 г. между западной и частью исламской ЛЧЦ) может привести к доминированию наиболее радикального Варианта № 1;

– особенностью возможных войн, военных конфликтов, а также формируемой уже в настоящее время ВПО и СО. Этот вывод имеет важное значение в связи с неизбежными «технологическими прорывами», которые могут привести к резким изменениям в боевой эффективности не только отдельных систем, но и видов ВиВСТ. Так, возможное появление гиперзвукового ВТО или новых типов РЭБ может существенно повлиять на стратегическое искусство, а резкое повышение прицельной дальности (до 3 км), точности и мощности стрелкового оружия уже в ближайшие годы – к новой тактике на поле боя.

Военные конфликты западной ЛЧЦ с российской ЛЧЦ будут с высокой степенью вероятности иметь:

– **глобальный пространственный характер**, ограниченный «по суше» Евразией, но не ограниченный воздушно-космическим и информационным пространством;

– стремлением использовать против РФ **всю мощь** и полный состав коалиции западной ЛЧЦ, т.е. порядка 50-ти государств, контролируемых США;

– стратегией **эскалации силовых средств**, когда собственно военная сила служит обеспечением эффективности использования других средств новой публичной дипломатии – от образования и официальной дипломатии, до создания и поддержке экстремистских и террористических групп.

– массовым применением новых социальных и информационных технологий, дезинформации и специальных средств против представителей правящих элит и институтов развития НЧК [2].

7. С точки зрения противоборства ЛЧЦ, представляется необходимым внести **коррективы в методику прогнозирования стратегического характера** возможных внешних военных угроз РФ и её союзниками до 2040 г. в следующих областях;

– необходимости развития тактики и оперативного искусства, т.е. возвращения к классиче-

ской формуле военного искусства – от тактических побед к стратегическому выигрышу, от которой во многом отошли с появлением стратегического ЯО и наработки которых не развивались с конца 80-х гг. XX в. Военные действия между ЛЧЦ крайне маловероятно будут вестись сразу же на уровне СНВ из-за крайней степени риска. Военный конфликт будет развиваться по эскалации от применения невоенных силовых средств, через использование экстремистских групп и «пятой колонной», массового применения ВТО и создания «облачного противника» с применением ЧВК;

– стратегический характер внешних военных конфликтов с развитием ЛЧЦ будет определяться, прежде всего, интересами и ценностями этих ЛЧЦ, которые защищают и продвигают правящие элиты и институты развития НЧК. Прежде всего западной ЛЧЦ. Соответственно главными стратегическими целями в военных конфликтах до 2040 года станут правящие элиты противостоящих ЛЧЦ, их институты гражданского общества и управления. Это – главные объекты для силового воздействия (военного и невоенного) западной ЛЧЦ в России и странах-союзниках;

– необходимо учитывать, что в XXI в. будет возрастать «обратное» (реверсное) влияние конфликтов СО на ВПО и МО.

8. Развитие противоборства между ЛЧЦ в XXI в. требует переоценки **методики прогнозирования вариантов ведения войн и отдельных военных конфликтов в целом**, которые в будущем будут иметь:

– **системный характер**, т.е. использовать весь арсенал не только военных, но и гражданских средств и способов насилия, а также информационных и социальных технологий. Собственно война и военные конфликты перестанут быть «чисто» военным явлением. Как уже показывает реальность сегодняшнего дня, отдельная война или конфликт становятся прежде всего цивилизационным конфликтом.

Примечательно, что эта тенденция быстро развивается и применительно к внутренним войнам и конфликтам, которые могут возникнуть или быть инициированы извне на цивилизационной (национальной, религиозной и пр.) основе;

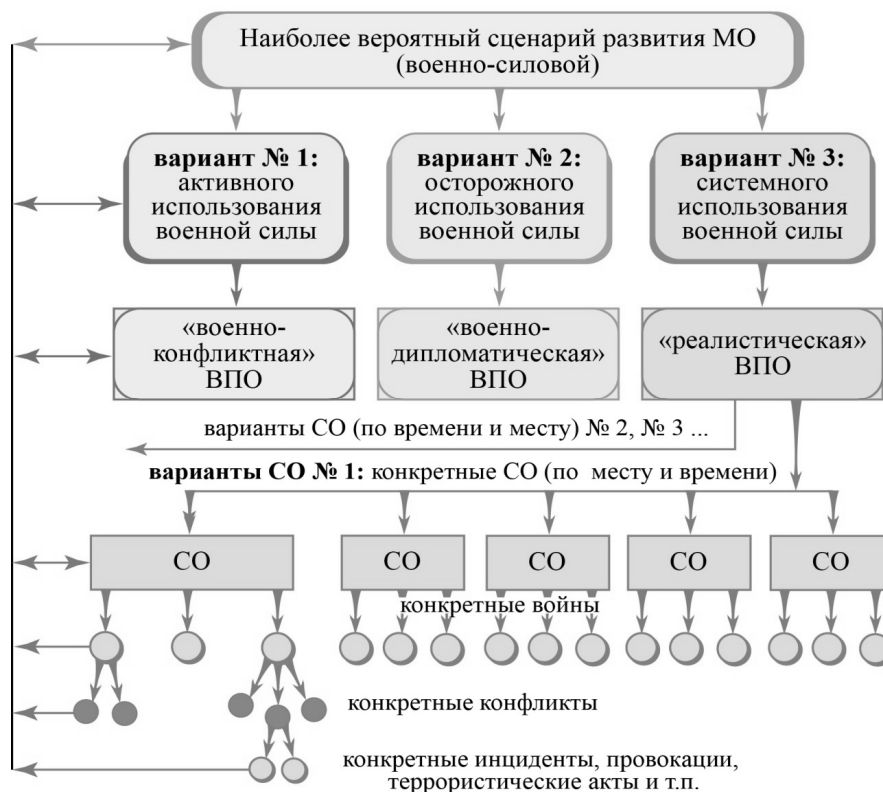
– **сетевидный характер**, когда системное использование насилия предполагается против многих объектов, включая персонально лиц, отвечающих за управление государством и ВС.

9. Противоборство ЛЧЦ в XXI в. вносит существенные изменения в формирование конкретных вариантов СО, характер особенности войн и военных конфликтов. В этой связи предлагается рассматривать их прежде всего в иерархии развития отношений между ЛЧЦ, которые выражаются в тех или иных сценариях и их вариантах МО и ВПО, позволяющей выделить их конкретные особенности. (см. рис. 2).

Из предлагаемого рисунка видно, что основные характерные черты и особенности будущих войн, конфликтов и инцидентов формируются прежде всего под влиянием отношений между

Рисунок 2.

Иерархия развития СО, войн и конфликтов в XXI в.

ЛЧЦ, которые, в свою очередь, формируют тот или иной сценарий (и его варианты) развития МО и ВПО.

Нельзя однако игнорировать и обратное влияние – когда СО и даже отдельные конфликты и инциденты влияют на формирование ВПО и даже МО. Можно привести два примера, иллюстрирующих эту мысль.

Так, военный конфликт на востоке Украины в 2014–2016 гг. резко ухудшил МО и ВПО в Европе и во всём мире, хотя нельзя говорить, что он стал единственным и даже главным фактором, повлиявшим на развитие МО и ВПО.

Другой пример, более частный: сбитый в Сирии бомбардировщик ВС РФ вряд ли можно отнести к категории военного конфликта. Это – военный инцидент, быстро переросший в политико-дипломатический конфликт России и Турции.

Таким образом **методика анализа и прогноза возможных и вероятных вариантов будущих войн и конфликтов** должна исходить прежде всего из анализа и прогноза развития сценариев (и их вариантов) развития МО, ВПО, а также вероятных конкретных СО, войн, конфликтов и инцидентов, которые сами могут также влиять на формирование МО и ВПО.

Сказанное также означает, что при анализе и прогнозе будущего характера войн и конфликтов необходимо учитывать перспективы развития ЛЧЦ, вероятные сценарии развития МО (и их варианты), а также другие невоенные факторы.

Развитие различных сценариев (и их вариантов) взаимоотношений ЛЧЦ в XXI в., реализуемых в тех или иных сценариях (и их вариантах) МО и, как следствие, ВПО, создаёт не только основу для анализа и прогноза будущих войн и конфликтов, но и фундамент для анализа и прогноза **способов их ведения** по направлениям развития кризисных ситуаций.

Динамичное развитие ЛЧЦ в XXI в. ведёт к революционным изменениям в средствах ведения войн и осуществления всей силовой политики, а также способах их ведения, что уже на самой ранней стадии анализа позволяет сделать важные методологические выводы:

а) способы ведения вооруженной борьбы в XXI в. меняются радикально, революционно, требуя **пересмотра традиционных положений военного искусства**. Учитывая революционные изменения в информатике, средствах связи и управления, можно сказать, что в XXI в. произошла революция в области военного искусства, которая пока что не нашла до конца своего осмысления. Так, если прежде система управления войсками допускала управление из главного штаба соединениями и отдельными частями, то уже в ближайшем будущем это будет возможно применительно к отделению и даже отдельному военнотружущему.

На место центрального управления в массовом порядке приходит сетевое управление из разных центров в режиме online,

а также высокая степень сочетаемости военных, политических, экономических и иных решений;

б) следует признать, что разработка новых способов ведения войн и конфликтов (как и все социальные теории) в настоящее время отстаёт от разработки средств и технологий, т.е. новые материальные и информационные военные и иные возможности значительно опережают знание о том как их применяют. Это означает, что особое внимание требуется уделить развитию военного искусства на качественно новой теоретической и методологической основе;

в) среди новых способов ведения войн особое значение приобретают силовые, но невоенные способы борьбы, прежде всего, информационной, социальной и кибернетической.

Любая война преследует конечные политические цели, которые прежде, как правило, носили ограниченный характер и предполагали возможности достижения компромисса, удовлетворяющего обе стороны. Даже капитуляция без всяких условий Германии и Японии в 1945 г. не предполагала уничтожения этих государств, а тем более наций.

Противоборство ЛЧЦ существенно изменило эту ситуацию. Теперь победа в противоборстве между ЛЧЦ предполагает:

- признание норм и правил, созданных той или иной ЛЧЦ на базе их системы ценностей и интересов, в качестве единственных и универсальных;
- потерю национальной идентичности и государственного суверенитета;
- смену правящих элит на такие элиты, которые смогут эффективно выполнять установки, сформулированные победившей ЛЧЦ.

Таким образом, военный конфликт между ЛЧЦ, а тем более война не предполагают компромисса, а переговорный процесс предполагает только политическую победу. В такой войне преследуются самые решительные цели, а значит используются самые эффективные средства и способы ведения военных и иных действий. Бескомпромиссность таких войн дополняется усилением их антигуманной направленности по отношению к мирным жителям, которые чаще и в больших масштабах становятся жертвами таких войн и конфликтов.

Глобальный конфликт, а тем более война между ЛЧЦ, предполагает глобальный охват и использование всех ресурсов ЛЧЦ. Причём не только военных, но и гражданских. Расстановка сил ЛЧЦ происходит ещё до начала военного конфликта или войны, так как требует не только создание соответствующих вооружений, но и инфраструктуры заранее, что существенно повышает их боевую эффективность. Учитывая, что конфликт между западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ в Евразии может происходить на начальной стадии вдоль периметра границ РФ–ОДКБ и КНР, то следует неизбежный вывод о стремлении западной ЛЧЦ создать соответствующую инфраструктуру, а также разместить тяжёлую

■ Мировая политика

военную технику вдоль этих границ. Размещение систем ПРО в Польше и Румынии, частей тяжелой техники вдоль границ с РФ в 2016 г., – примеры таких действий.

Приведённый прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями и его выводы демонстрируют не только необходимость перестройки и системы плани-

рования и строительства военной организации в России, но и, необходимость повышенного внимания ценностным, цивилизационным вопросам. Очевидной становится необходимость в формировании национальной идеологии, фиксирующей основные цивилизационные ценности России.

Список литературы

1. Зиновьева Е.С. Российские интересы в сфере управления интернетом // Международные процессы. 2009. № 19. Т. 7. С. 101-108.
2. Коротков А.В., Зиновьева Е.С. Безопасность критических информационных инфраструктур в международном гуманитарном праве // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 4. С. 154-162.
3. Baumgartner J. C., Francia P. L., Morris J. S. A clash of civilizations? The influence of religion on public opinion of US foreign policy in the Middle East // Political Research Quarterly. Jun., 2008. Vol. 61, No. 2. Pp. 171-179.
4. Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a "Civilizational Politics" Line of Research // International Studies Review. 2014. Vol. 16. Pp. 1-28.
5. Casanova J. Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities // Current Sociology. 2011. Vol. 59. No. 2. Pp. 252-267.
6. Choucri N., Robinson T. W. (ed.). Forecasting in international relations: Theory, methods, problems, prospects. San Francisco : WH Freeman, 1978. 468 p.
7. Díez-Nicolás J. Two contradictory hypotheses on globalization: Societal convergence or civilization differentiation and clash // Comparative Sociology. 2002. Vol. 1. No. 3-4. Pp. 465-493.
8. Henderson E. A., Tucker R. Clear and present strangers: the clash of civilizations and international conflict // International Studies Quarterly. 2001. Vol. 45. No. 2. Pp. 317-338.
9. Inglehart R., Norris P. The true clash of civilizations // Foreign policy. November 4, 2009. Pp. 63-70.
10. Singer J. D. The level-of-analysis problem in international relations // World Politics. 1961. Vol. 14. №. 01. Pp. 77-92.

Об авторе

Подберёзкин Алексей Иванович – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ 14-18-02973 «Долго-срочное прогнозирование развития международных отношений».

LONG-TERM FORECASTING THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN LOCAL HUMAN CIVILIZATIONS: CONCLUSIONS AND PROPOSALS

A.I. Podberezkin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is the form of scientific report on the results of three year long project on methodology of long term forecasting the development of the system of international relations. The methodology is based on the following assumptions: input information is accurate and complete; international relations constitute a system, scenarios for different levels of international relations development are hierarchically interdependent; the speed of development is different on various levels of international relations; various national capabilities affect the development; elites affect international relations; civil society affect international relations. Based on this assumption the author builds the most probable scenario of intercivilizational relations which is military coercive interaction. The role of soft power will increase its share in the toolkit of the confrontational politics. To win in this confrontation it is necessary to review the current practices*

of strategic forecasting and planning and to rebuild the entire military organization of the Russian army. The principal condition for the victory is development of national human capital, as well as the formation of the national ideology.

Key words: civilization, forecasting, planning, international relations, human capital.

References

1. Zinoviev E.S. Rossiiskie interesy v sfere upravleniia internetom [Russia's interests in the field of Internet governance]. *International processes*. 2009. Vol. 7. No. 19. Pp. 101-108.
2. Korotkov A.V., Zinoviev E.S. Bezopasnost' kriticheskikh informatsionnykh infrastruktur v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [Safety critical information infrastructures in international humanitarian law]. *MGIMO Review of International Relations*. 2011. No 4. Pp. 154-162.
3. Baumgartner J. C., Francia P. L., Morris J. S. A clash of civilizations? The influence of religion on public opinion of US foreign policy in the Middle East. *Political Research Quarterly*. Jun., 2008. Vol. 61, No. 2. Pp. 171-179.
4. Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a "Civilizational Politics" Line of Research. *International Studies Review*. 2014. Vol. 16. Pp. 1–28.
5. Casanova J. Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities. *Current Sociology*. 2011. Vol. 59. No. 2. Pp. 252-267.
6. Choucri N., Robinson T. W. (ed.). *Forecasting in international relations: Theory, methods, problems, prospects*. San Francisco : WH Freeman, 1978. 468 p.
7. Díez-Nicolás J. Two contradictory hypotheses on globalization: Societal convergence or civilization differentiation and clash. *Comparative Sociology*. 2002. Vol. 1. No. 3-4. Pp. 465-493.
8. Henderson E. A., Tucker R. Clear and present strangers: the clash of civilizations and international conflict. *International Studies Quarterly*. 2001. Vol. 45. No. 2. Pp. 317-338.
9. Inglehart R., Norris P. The true clash of civilizations. *Foreign policy*. November 4, 2009. Pp. 63-70.
10. Singer J. D. The level-of-analysis problem in international relations. *World Politics*. 1961. Vol. 14. №. 01. Pp. 77-92.

About the author

Alexei I. Podberезkin – Doctor of Economics, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

The article is written with the financial support of RSF 14-18-02973 «Long-term forecasting of the development of international relations.»